

Правила игры

Борис Минаев

СКТВР и другие города

Спектакль «СКТВР», показанный Молодёжным театром из Сыктывкара в рамках «Золотой маски» на сцене МТЮЗа, привлекает прежде всего возможностью узнать то, чего ты в ином случае никогда не узнаешь. Сыктывкар (название спектакля — по хештегу в твиттере, это всегда пишется без гласных), Воркута, республика Коми — ну что мы об этом знаем: тайга, север, мороз, бесконечные лагерные зоны вокруг, шахтеры, газовики, суровый мужской труд, система исполнения наказаний, угрюмый народ и угрюмая природа... — так вот, изначально ты подсознательно ждешь, что спектакль будет переворачивать твои стереотипы. И если ты готов к переворачиванию стереотипов, — тебе сюда.

Сtereотипам и вправду тут не место — вся сцена представляет собой залитое водой пространство. Ну, в прямом смысле слова — огромную лужу, мелкое озерцо, болото — называйте как угодно. Именно здесь существуют герои — по щиколотку в воде, иногда погружаясь в нее целиком, купаясь и плавая, совершая кульбиты и бухаясь на колени, они постепенно становятся мокрыми насквозь — часть зрителей даже пересели из первого ряда, чтобы не оказаться тоже в «водной стихии», — и надо сказать, что все это совершенно не случайно.

Я не знаю, кто первым придумал этот театральный прием: говорить со зрителем в буквальном смысле «из воды», — заимствован он или оригинал, но мокрый актер общается с залом совсем по-другому, чем сухой.

Окативший себя несколько раз, всерьез повалявшийся в этом озере-болоте-луже, облепленный одеждой, — он и чувствует себя иначе, и иначе передает свои ощущения. Его внезапный выброс физиологической энергии безусловно передается зрителю.

Такие мощные образы не имеют, разумеется, одной разгадки, одного плоского смысла — и «читать» эту водянную историю можно совершенно в разные стороны: это и вечная грязь, вода под ногами у жителей провинциального русского города, где элементарно не хватает денег на уборку улиц, и особенности климата, географической зоны, и мифология, сама собой вырастающая из заповедных глубин — тайги, тундры, бесконечного леса и бесконечного болота: духи, ведьмы, странные люди, обладающие каким-то особым качеством характера. Недаром у спектакля есть подзаголовок — «Миф».

При этом сценография спектакля осознанно противоположна его словесной ткани: шероховатым историям обычных людей, жителей города Сыктывкара, записанным на диктофон, расшифрованным, переплетенным в единое полотно. То есть это спектакль-верbatim — модный ныне жанр, кочующий из одного города в другой. В данном случае — верbatim, который объединяет истории людей исключительно

по географическому признаку, потому что это именно местные, локальные истории, истории отношений человека и места, где он живет.

Грубо говоря, это спектакль, посвященный местному патриотизму, региональному менталитету и характеру.

Такой спектакль, например, довольно давно существует в Екатеринбурге, где я частенько бываю, и он проходит в автобусе — специальный театральный автобус, который идет по привычному горожанам маршруту из центра в район Уралмаша, и по ходу действия там рассказывают истории людей, которые когда-то работали на этом огромном заводе. Завод, кстати, по-прежнему в строю, но людей там теперь гораздо меньше, и сам район разительно изменился. А уралмашевский уличный «вербатим» — местные истории, персонажи, легенды — остался в целости, он сохранен не только в фольклоре, но и вот в этом экспериментальном спектакле. Существуют подобные постановки-вербатим об историях горожан в Воронеже и в других городах.

Кстати, о Екатеринбурге. Бывая там регулярно, разговаривая с местными интеллигентами, музыциками, художниками, библиотекарями, просто жителями города, — я вдруг постепенно осознал одну интересную вещь. Я тут выше сказал о «региональном» патриотизме. Само-то слово заезженное, заплеванное еще во времена советской власти, да и сейчас сильно девальвированное. Но свято место пусто не бывает — где-то в душе должен существовать этот химический элемент, разные валентности должны как-то скрепляться в нашем мозгу — и вот на место «общего», тотального, вытравленного пропагандой, затоптанного штампами патриотизма встал другой — локальный.

Я и раньше, конечно, его замечал во время командировок — но раньше местные интеллигенты говорили о «своих» звездах театра и кино, литературы и искусства, художниках, о своих музеях, легендах, историях — как-то чуть стесняясь, даже стыдливо: ну да, мы понимаем, основной сюжет творится у вас там в Москве, но все же...

А вот сейчас интонация изменилась: с горящими глазами, с полной грудью, с чувством глубокой гордости рассказывают и о лучшем в мире Екатеринбургском театре оперы и балета, и об уникальной художественной индустриальной биеннале, и о расцвете рок-музыки, который без уральских рок-групп не состоялся бы в 80-е, и о музеях, и о писателях (а в том, что уральская особенная литература действительно есть, меня убеждать не надо). Да и деньги на местную культуру в этом пересменке, на переходе от одной эпохи к другой, наконец появились, и все пошло в рост.

Так вот, спектакль Сыктывкарского молодежного театра убедил меня в том, что тенденция по всей стране едина: местный культурный, гуманистический, человеческий, неполитизированный патриотизм важнее общефедерального — с его избитыми истинами, туманной и противоречивой мифологией.

Проявилось это и в спектакле «на воде», «СКТВР».

Все истории в спектакле разные, у рассказчиков совсем разные оптика, интонация, масштаб мысли, угол зрения — и тем не менее, все сливается, все скрепляется — и не только энергетикой актеров, «пляшущих» на этой северной, глухой воде, подсвеченной фонариками и голосами. Скрепляется оно, как бы это сказать поточнее, — искренней верой в то, что человек сам по себе — это ценность, ценность безусловная и непреходящая.

Причем это не декларируется прямо, не формулируется в лоб, не рисуется в драматургии намеренно, а следует из подсознательной логики чувства.

Ну, скажем, что объединяет рассказ человека, который вспоминает о сыктывкарских подростковых группировках 70-х или 80-х годов, об их нравах, когда старшие вступались за младших и устраивали показательные разборки, драки, избиения «чужих», а герой чем-то провинился перед какой-то из этих районных банд? И за него вдруг вступил весь духовой оркестр из дома пионеров, куда он ходил учиться играть на трубе? История потрясающая, но внешне она ничем не связана, например, с

целым блоком рассказов про «борьбу за Шиес», место, где около года продолжались акции протеста против строительства мусоро-перерабатывающего завода. Были такие акции, такие митинги и в самом Сыктывкаре, региональной столице, и если в Шиесе больше не останавливаются поезда, чтобы не «провоцировать» новые акции, то в Сыктывкаре прекращали движение автобусов к месту митинга... Шиес стал локальным символом протеста, борьбы за справедливость социальную и моральную, за экологию — и это в спектакле не спрятано, не убрано стыдливо на второй план. Что общего с рассказом о ребенке, которого еле выходили в роддоме? С рассказом о человеке (история, кстати, получившая широкую федеральную известность), который сохранил летнюю полосу местного маленького аэропорта, сохранил из чистого профессионального упрямства, и тем спас жизни пассажиров самолета, который совершил аварийную посадку?

Общее в рассказах — это упрямая вера в то, что человеческое не потеряно, не растворилось в этой общей на всех «телевизионной картинке», заголовках отвратительных новостей, безличном пространстве, куда запихивает нас глобальная история. Вера в то, что люди вокруг — это именно люди, с чувством собственного достоинства, а не электоральная масса, подверженная самым примитивным социальным инстинктам.

Я сравнил, как ни странно, эту довольно экспериментальную театральную историю (режиссер — Максим Соколов) с другим экспериментом — увиденной мной в онлайн постановке оперы Моцарта «Тит милосердный» (Большой театр оперы и балета Женевы, режиссер Мило Рау, дирижер — Максим Емельянович). В последнее время самая, возможно, скучная и дидактическая опера великого композитора обрела новую жизнь благодаря своей политической подоплеке — в опере совершается покушение на римского императора, но он, обуреваемый благородными чувствами, прощает террористов и объявляет о начале новой «эры милосердия».

В Швейцарии тоже подошли к известному сюжету небанально.

Если в Сыктывкаре сцену залили водой, то в Женеве ее завалили городским мусором — пакетами, пустыми коробками, самодельными картонными строениями, бочками для сжигания этого мусора, словом, максимально приблизили к среде обитания беженцев, которые живут даже не в лагерях для перемещенных лиц, а просто на улице. В этом спектакле масса визуальных и иных эффектов, но все же главный прием, который явно можно считать основным, — тоже из арсенала театра верbatim: весь спектакль вместе с молодыми актерами оперного театра на сцене присутствуют реальные люди — иммигранты, попросившие убежища в Швейцарии, то есть в буквальном смысле слова *новые жители* этого города, этой страны. «Рефужье», как говорил о таких людях Герцен в «Былом и думах». Жизни, мироощущению этих людей и посвящен, собственно, этот спектакль — спектакль о милосердии, о прощении, о необходимости принятия иных, новых людей в привычном для тебя пространстве и приятия иного времени, иной культуры.

Конечно, эти «самодеятельные артисты» не просто сидят на сцене на стульчиках — они глубоко переживают все происходящее (в зрительном зале при этом, сообразно нынешним пандемийным временам, нет никаких зрителей, присутствует только оркестр, занявший их место). Актеры «играют» неподвижно, то есть они глубоко переживают, и выхваченные крупным планом и спроектированные на большой экран их лица озарены волнением, глаза устремлены в какую-то иную, нездешнюю реальность: в прошлое, в будущее — кто знает.

Ну и, наконец, рассказы беженцев, иммигрантов — они титрами сопровождают оперу, вместе с документальными кадрами их историй: армянская семья, женщины из Конго, выходцы из Ньянмы, из Северной Африки и Сирии, — все они так или иначе пострадали в этом волнующемся, качающемся мире, который все никак не станет прогнозируемым, спокойным, неподвижным — все плывет, отваливаются и загораются

новые куски территорий, вспыхивают гражданские войны, эпидемии, гуманитарные катастрофы... Здесь же, на этом клочке твердой суши под названием «город Женева», где по крайней мере «все работает»: то есть врачи лечат больных в поликлиниках, в магазине всегда продаётся хлеб, можно купить дешевую машину и заправляться бензином, арендовать жилье, есть горячая вода, тепло и электричество, — эти «рефужье» мечтают обрести новую жизнь: стать художниками и артистами, медсестрами и бизнесменами, словом, кем-нибудь, в ком нуждается город. Город не просто как географическая или административная точка, а город как цивилизация, как целый мир, многообразный и сложный.

Собственно, именно это и объединяет два этих непохожих спектакля — ощущение, что нынешний, современный человек находит опору не в стране, не в нации, не в этносе (то есть в своих кровных связях), не в привычном национальном патриотизме — а именно в современном городе как в цивилизационном проекте.

Нам всем знакома эта тема, так ярко выраженная в женевском «Тите Милосердном», — по нашей современной Москве. Мы каждый день видим, как тяжело, но надолго в ней обживаются представители разных этносов, как они пускают корни в эту землю, не любящую чужаков, как это происходит.

Удивительно, что московскому зрителю так же удивительно видеть, что «и в Сыктывкаре такие же люди живут», как и европейскому, — что и «в Африке люди живут». И удивительно, что именно театр становится той последней ниточкой, которая связывает разные миры.

Неожиданный постскриптум нашелся в соцсетях. Пишет искусствовед и художественный критик Людмила Лунина: «Я тут слетала в город Сыктывкар. Пьер-Кристиан Броше¹ стал там советником по культуре, и завертелась движуха. Думаю, в ближайший год туда ещё много кто полетит. Ну, что сказать. Отдельная цивилизация, сотни лет назад сформировавшаяся вокруг Архангельска, Вологды — северных торговых гаваней. Екатерина II подарила городу планировку Версаля: центральные улицы веером расходятся из одной “точки” — большого парка на берегу реки. Гигантская берёзовая роща. Берёзы нереальной высоты, у нас такие дубы. 250 тыс жителей, 3-этажная застройка, изумительные дореволюционные деревянные дома. В центре 7 музеев. Передвигаться можно пешком. Даже дойти до аэропорта из центра займет минут 15. Модно говорить на коми. Сильны языческие традиции. Это смешно, конечно, но был разгар Масленицы, у нас была несколько фольклорная поездка, и хоть бы одна живая душа о празднике вспомнила. В Москве бы закормили блинами. Зато не однажды вспоминали староверов, протопопа Аввакума, ГУЛАГ. В историческом музее большая экспозиция посвящена Андрею Дмитриевичу Сахарову. Такое вот выражение коллективного бессознательного».

Так что сравнивать Женеву и СКТВР — это не прихоть автора. Культуры перемешиваются, хотим мы этого или нет.

¹ Пьер-Кристиан Броше (род. 29 сентября 1960 г., Шательро, Франция) — издатель, коллекционер произведений современного искусства, кинопродюсер. С 1989 года живет в России. С 2013 года — ведущий программы «Россия, любовь моя!» на телеканале «Культура». С 2020 года — президент Национальной галереи Коми. Живет в Сыктывкаре. — Прим. ред.